

MPI-1271264

Александр
Грязев

ГРЕХ
ИГУМЕНА

Александр Грязев

ГРЕХ ИГУМЕНА

Исторический рассказ

И1271264

Вологда
1997

Взмыленные кони свернули с Вологодской дороги и, тяжело дыша, остановились у деревянных стен Кириллова монастыря.

Великий князь Московский Василий Васильевич Темный, поддерживаемый под руку воеводой Оболенским, осторожно вышел из возка.

Шитый серебром короткополый кафтан, сафьяновые сапоги, черная повязка на глазах. Рядом с Васили-

ем - шестилетний сын Иван. Воевода, наклонившись, что-то сказал великому князю. Тот снял шапку с парчовым верхом, осенил себя крестным знаменем и низко поклонился в сторону святых ворот монастыря, под сводом которых сиял образ чудотворца Кирилла. Позади князя закрестились спешенные ратники.

Высокий чернец отворил дубовые воротины, пропуская за ограду знатного пут-

ника и его челядь.

Игумен Трифон с братией встретил князя у крыльца своей кельи. На голове - высокий клобук, черная мантия до самой земли.

- Радость или печаль привели тебя в обитель нашу, великий князь?

- Помолиться приехал, отче, да милостыню братии вашей дать, - сказал Василий, подходя под благословение и целуя руку игумена.

- Да хранит тебя Господь за дела твои благие, государь, - Трифон перекрестил князя. - Не отдохнешь ли с дороги?

- Нет, отче. Спешное дело торопит меня. Надобно поговорить нам, отец Трифон.

В просторной игумновой келье светло и чисто. Мшистые стены увешаны иконами, перед которыми горят лампы. Пахнет конопляным маслом и воском. Вдоль стен - широкие стру-

ганные лавки. Посреди кельи небольшой стол, покрытый скатертью из алой в разводах камки.

Переступив порог, игумен долго крестился на иконы, шепча молитву. Затем он усадил князя в кресло у стола, сам сел напротив.

-Говори свое дело, государь Василий Васильевич. Вижу, не с одними молитвами ты к нам пожаловал, - начал Трифон.

-Истинно так, не только с

молитвами, - ответил Василий и замолчал. Собираясь с мыслями, он поправил повязку на глазах, пригладил волосы. Наконец решился.

- Ведомо ли тебе, отче, про углический собор?

- Ведомо, государь, ведомо. И меня звали, да не поехал.

- Мало, видно, Шемяке было глаз моих, отче, так созвал он в Углич епископов и честных игуменов

всей земли русской на святой собор. Заставил меня ему крест целовать. Клятву взял не искать мне боле престола московского. А в удел мне Вологду дал...

Василий остановился, ожидая, что скажет игумен. Но тот молчал.

- А как мне не искать стола московского, коли Москва - отчина моя от деда моего и отца?

Трифон ничего не ответил. Он знал, почему Васи-

лий приехал сюда к нему, а не в другую обитель, каких много было на его пути.

Давняя дружба у монастыря с московскими князьями, еще от первого строителя Кирилла. Отцу Василия и другим писал преподобный Кирилл поучения, да советы давал, как править и жить. Зато здесь вклады денежные, рыбные ловли, деревни с крестьянами - все это от них, князей московских.

- Да. Нельзя тебе, таковому государю. В такой дальней земле заточену быть, - только и сказал Трифон, желая, видно, выслушать великого князя до конца.

Василий собирался с мыслями перед самым главным.

- Решил я, отче, - начал он, - идти нынче на Москву. Да как пойдешь, коли опутал меня Шемяка клятвою, как паук тенетом. Преступлю ее - и пойдут супротив меня не

только враги мои, но и друзья. Вот и приехал я, отче, совета твоего просить и помощи получить. Сними с меня крестное целование, данное Шемяке.

Трифон сидел, как черное изваяние. Только, перебирая четки, медленно пошевеливались пальцы его старческих, будто из воска, рук.

- Трудное твое дело, государь, - наконец, сказал Трифон, - трудное вельми.

Не перед одним Шемякой вина твоя, но и перед народом русским. Потому князю Дмитрию и удалось тебя сломить, что больно ты обидел народ свой, государь.

Василий подался вперед.

- Чем же, отче?

- Из плена, воротясь, много ты поганых татар привел с собой. А народ устал от брани, от поборов татарских, да от татьбы их. Вот и пошли с Шемякой супротив тебя.

- За великий выкуп отпустил меня на волю Мухамедхан. Видит Господь: не по своей воле свершил я грех свой. Но сил и живота не пожалею, а искуплю вину свою перед Господом и народом русским. Верь мне, отче. Отпусти обет мой тяжкий.

- Верю я в твое праведное дело, государь. Верю, что десницей твердой покараешь ты врагов своих. Да только мыслимо ли дело,

государь, чтобы скромная обитель наша супротив священного собора архипастырей земли русской шла. Не бывало еще такого на Руси.

- Не за себя прошу, отче, - взмолился князь, - не ради корысти своей, ради святой Руси, ради единения ее под началом Москвы. Помогите утвердиться на престоле московском - не забуду до конца дней своих. От врагов охороню, вклады внесу, земли в других уделах дам.

Сыновьям своим и внукам
накажу, чтобы делали все
ради обители сей. Вот в
том порука моя, - и Васи-
лий положил длань на пле-
чо сидевшего рядом сына.

Старый игумен ничего не
ответил князю. Бесцветные
глаза его смотрели мимо
Василия. Трифон поднялся
со стула, перебирая четки,
подошел к слюдяному с
железными переплетами
оконцу.

Ветер лениво шевелил

листву берез у монастырской ограды. У трапезной и у квасоварни толпился народ. Два монаха рубили дрова. От мучного амбара к хлебне мужики тащили мешки с мукой. Тишиной и покоем веяло от всего вокруг, и чем-то далеким, неправдоподобным казались отсюда злые дела врагов Василия.

Все понимал и все знал старый игумен. Поганые сыреядцы-татары, как беше

ные волки, все еще терзают русскую землю. Плетет свои козни литовский Казимир-князь, заигрывая с Новгородом и Псковом. Вот уже двадцать лет полыхает на Руси кровавая усобица, затеянная еще отцом Дмитрием Шемяки князем Юрием.

Не захотел Юрий признавать старшинства десятилетнего племянника своего - Василия. Забыл он обычай дедовский преемства великокняжеского стола от

отца к сыну по старшинству, помыслил незаконно о великом княжении.

Ныне Москва в третий раз за княжение Василия захвачена галицким войском. Мстит великому князю Шемяка и за ослепление брата своего Василия Косого.

Кто выведет Русь из удельного раздора? Кто освободит ее от ига татарского?

Князь Дмитрий? Но он спит и видит Русь, разде-

ленную на уделы.

Придет время, другой князь соберет против него свои дружины, и, кто знает, сколько еще лет будет литься кровь на земле русской.

Князь Василий? Вот он сидит перед ним - законный наследник престола московского. Да только связан позорною крепостью, нарушив которую, станет он клятвопреступником. Тогда не пойдут за ним ни москвитяне, ни люди других го-

родов и уделов.

В его, игумена, силах освободить Василия от клятвы. Да только как пойти против собора! Не грех ли? Грех.

А если откажет он Василию? Тогда долго еще не бывать на Руси миру и тишине. Опять брат пойдет на брата, опять будет литься кровь, не грех ли? Великий грех.

Да и о братии своей думать надобно. Не забудет

князь великую услугу. Не зря заговорил о вкладах да защите.

Но ведь и тогда прольется кровь, когда благословит он великого князя на праведный его путь. Не из этой ли крови и не из этого ли насилия родится на земле русской начало спокойствия и мира?..

...Да, тяжелую ношу взвалил ты на свои плечи, князь Василий. Трифон преклонялся перед его муже-

ством. Ни прошлогодний татарский плен, куда попал князь Василий после битвы под Суздалем с сыновьями Улу-Мухаммеда, ни студное дело двоюродного брата Дмитрия Шемяки, ослепившего Василия, не смогли сломить этого тридцатилетнего, но уже совсем седого человека.

Видно ты ладно скроен да по-русски сшит, внук Дмитрия Донского...

Трифон повернулся, спро-

сил от окна:

- А есть ли войско у тебя, государь? С кем пойдешь на Москву?

- Будет, отче. Верные бояре и воеводы в Вологде, Ярославле, Костроме, в московских уделах, в Твери.

- Твери? - переспросил игумен. - Но ведь князь Борис Александрович Тверской с Шемякой заодно.

- Нет, отче, - улыбнулся Василий, - отошел он от Шемяки. Мне подмогу обе-

щал. От тебя, отче, к князю Борису поеду. А оттуда и на Москву.

Трифон подошел к столу. Остановился перед Василием. Тот встал, положив руки на плечи сына.

- Будь по-твоему, государь, - тихо, но твердо произнес игумен. - Тот грех на мне и на моей братии головах, что целовал ты крест и крепость давал князю Дмитрию. А потому искупим грех наш сегодня...

После литургии, когда в новой церкви Успения Пресвятой Богородицы никого из молящихся не осталось, Трифон с братией провели Василия внутрь деревянного храма. В церкви было светло и нарядно. Запах ладана не заглушил еще аромата недавно рубленных сосновых бревен. Огоньки свечей весело отражались в позолоте резного иконостаса и царских врат, через которые игумен и князь

вошли в алтарь.

Это место, отделенное высоким иконостасом, было недоступно взорам простых мирян... Свет почти не проникал сюда. Алтарь же освещался одной свечой, которая стояла слева от престола. Игумен поставил Василия перед образом Пречистой Богородицы с Превечным Младенцем.

- Молись, государь, молись.

Василий опустился на ко-

лени.

Трифон раскрыл евангелие и, встав к аналою, начал читать молитву. Хор монахов на клиросе стройно подпевал, вплетаясь в нее. Тихой тенью в алтарь зашел священник, отец Анисим. Он разжег кадило и подал его игумену. Тот, продолжая читать, обошел вокруг Василия, махая кадилом. Закончив чтение, взял кропило и, окунув его в блюдо со святой водой, широким взма-

хом окропил стоявшего на коленях князя. Затем, взяв в обе руки тяжелый крест, Трифон встал перед Василием и помог ему подняться. Произнес степенным речитативом:

- Поди, государь, с Богом и со своею правдою на великое княжение, на Москву. А мы за тебя, государь, Бога молим и благословляем на путь твой десный. Не раб ты боле Шемяке, а господин. И ныне и присно и во веки

веков. Аминь.

- Аминь, - эхом отдалось на клиросе.

Трифон осенил Василия знаменем и поднес к трепетным губам великого князя холодный крест.

Когда выходили из церкви, на паперти их встретила толпа народа: монахи, нищие, странники, кормившиеся с монастырского стола.

Воевода Оболенский, идя впереди князя и Трифона,

клял в протянутые дрожащие ладошки чешуйки монет, наказывая молиться о здравии великого князя, государя земли русской. Суетясь и сбивая друг друга, люди падали на колени, крестясь и причитая, целовали полы кафтана Василия. А тот шел прямой, строгий, с побледневшим лицом, на котором резче выделялась черная шелковая повязка.

Вечером того же дня из ворот монастыря в разные

стороны поскакали гонцы к верным Василию воеводам и детям боярским с известием о снятии с него крестного целования и с призывом встать под его знамена. А потом стали прибывать и они сами со своими людьми из Вологды, Ростова, Ярославля, Костромы, Устюжны. Прислали своих ратников игумены Воскресенского монастыря на Шексне, Спасокаменного и Прилуцкого, обещали под-

держку московские города Муром, Дмитров, Коломна, Боровск.

И вот настал день, когда все население Кириллова монастыря собралось у святых ворот проводить великого князя с отрядом в путь на Тверь. Игумен Трифон долго смотрел на удалявшееся войско, пока не осела пыль на уломской дороге.

До конца своей жизни великий князь московский

Василий II Темный останется верен слову, данному Трифону. Ни он, ни потомки его до самого последнего Рюриковича не обойдут вниманием далекую обитель на Сиверском озере. И никогда более не станет Москва причиной удельного раздора.

**Грязев
Александр Алексеевич**

ГРЕХ ИГУМЕНА

Исторический рассказ

Набор
и изготовление
оригинал-макета
осуществлены
в КЦ «КС»

Е. В. Смирновой

Отв. за выпуск: *Ю. П. Малозёмов*
В. В. Богачев

Вологда
«Евстолий»
1997

